

Научное мнение. 2025. № 7–8. С. 25–33.

Nauchnoe mnenie. 2025. № 7–8. Р. 25–33.

Научная статья

УДК 001+159.9+168

DOI: https://doi.org/10.25807/22224378_2025_7-8_25

МЕЧТЫ КАК ДВИГАТЕЛЬ НАУКИ: ПСИХОЛОГИЯ И БЕССМЕРТИЕ

Александр Игоревич Мусс¹, Дарья Александровна Мусс²

^{1,2} Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹ Высший художественно-технический институт, Санкт-Петербург, Россия

¹ albertwanderer@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2685-9353>

² dolly.an1999@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2214-4342>

Аннотация. Статья посвящена психологическому и антропологическому измерению научного знания, введенному Ф. Brentano, — мечте, которая выступила в качестве движущей причины появления различных областей науки. Показано, что в отношении психологии такой мечтой являлась мечта о бессмертии, что, с одной стороны, роднит ее с философской антропологией, а с другой — эта мечта явно или скрыто проявляется в различных областях фундаментальной и прикладной психологии.

Ключевые слова: философская антропология, философия науки, философия психологии, мечта, смерть

Original article

DREAMS AS THE EFFICIENT CAUSE OF SCIENCE: PSYCHOLOGY AND IMMORTALITY

Alexander I. Muss¹, Daria A. Muss²

^{1,2} Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

¹ Higher Art and Technical Institute, Saint Petersburg, Russia

¹ albertwanderer@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2685-9353>

² dolly.an1999@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2214-4342>

Abstract. This article is aimed at the psychological and anthropological dimension of scientific knowledge, which was introduced by F. Brentano. This dimension is a dream, which acted as an efficient cause for the emergence of various fields of science. For psychology, such a dream was the dream of immortality, which, on the one hand, makes it related to philosophical anthropology. On the other hand, this dream is manifested explicitly or implicitly in various fields of fundamental and applied psychology.

Keywords: philosophical anthropology, philosophy of science, philosophy of psychology, dream, death

Введение

О разнообразии наук в современном мире сказано очень многое. Причем как с момента появления наук в их современном виде, так и

в рамках множества исследований, проводимых в настоящий момент. Философским постижением сущности науки занимается философия науки — область знания, появившаяся

в первой половине XIX в. на базе философии позитивизма.

Однако мир и соответственно контекст, в котором развиваются науки, меняются. При чем изменения, в том числе связанные с появлением информационных технологий, компьютеров, интернета, кажутся некоторым исследователям настолько стремительными, что со временем будут утрачены не только возможности прогнозирования, но и понимания происходящего [1].

На этом фоне возрастает количество новых наук, а также увеличивается количество междисциплинарных направлений, объединяющих представителей различных научных областей. Соответственно, нельзя говорить о том, что тема изучения и постижения специфики научного познания исчерпана: какие-то идеи будут сформированы в будущем философии науки.

При этом не все новые идеи в философии науки стоит искать в настоящем и будущем. Какие-то ценные идеи можно найти в прошлом, особенно если отойти от философско-научного мейнстрима — от трех волн позитивизма, различных вариантов постпозитивизма, а также многочисленных формальных документов, регламентирующих научную деятельность.

По этой причине — чтобы выйти за границы сложившихся представлений — в рамках настоящей статьи мы попробуем обратиться не к известным концепциям философии науки, а к идеям предшественника феноменологии и учителя ее создателя Э. Гуссерля — Ф. Brentano [2] — создателя понятия интенциональности и эмпирической философской психологии, отличной от (естественно)научной психологии Г. Фехнера и В. Вундта.

Причем такое потенциально забытое, а теперь обновленное знание может быть применимо к наиболее неоднозначным с точки зрения их методологической оценки областям науки. В данном случае мы попробуем обратиться к современной психологии, поскольку, с одной стороны, нас интересует фундаментальная проблематика, с существованием и развитием которой эта наука связана, а с

другой стороны, именно психология оказывается одной из наук, наиболее неопределенных по своему положению. Психология — это естественная наука, гуманитарная или социальная? Точная или неточная? Современная психология является номотетической или идеографической наукой? Более того, как можно оценить психологию и ее ключевые подходы и теории с точки зрения конвенций между учеными, парадигм или научно-исследовательских программ? Многие вопросы порождают еще большее разнообразие ответов, только увеличивая неопределенность.

Здесь также важно учитывать, что идеи Brentano могут быть применимы для оценки психологического знания, поскольку представленные ниже идеи являются в некотором роде методологическими основаниями для эмпирической психологии Brentano. Таким образом наш поиск, это в том числе поиск измерения в науке, относительно которого положение психологии будет более однозначным с помощью методологических оснований, разрабатывавшихся для психологии.

Разные подходы к изучению науки и их результаты

Однако перед тем как обратиться к скрытому наследию философии науки, обратим внимание на то, какие явные идеи философии науки были сформулированы ее ключевыми представителями.

Философия Нового времени через дискуссии рационалистов и эмпириков впоследствии закрепила именно за эмпирическим знанием статус научного знания.

Позитивизм О. Конта не только закрепил за эмпиризмом статус ключевого критерия научного знания, но также ввел преемственность научного познания от познания вообще за счет закона трех стадий. Кроме того, научным знанием объявлялся именно поиск устойчивых универсальных законов как связей между различными явлениями [3].

Эмпириокритицизм Э. Маха, П. Дюгема и Р. Авенариуса не только продемонстрировал, что для научного знания важно разграничивать допущения и гипотезы, наблюдаемое и

сформулированное в теории, но показал, насколько научность определяется договоренностью — конвенцией между исследователями [4; 5; 6].

Логический позитивизм М. Шлика, Р. Карнапа и др., критикуя возможную умозрительность предыдущих подходов, соединил требования логического анализа высказываний в структуре научных теорий и необходимость опоры этих теорий на строго установленные эмпирические факты в виде процедуры верификации [7].

Постпозитивизм, не являясь единым течением, через критику предшествующих направлений позитивизма предложил свои модели развития научного знания и критерии научности.

Т. Кун показал, что научное знание не только накапливается, но и пересматривается, а его накопление зависит от принятых в конкретной науке стандартов — от парадигмы [8].

К. Поппер активно критиковал эмпиризм, конвенционализм и логический позитивизм, утверждая логическую непротиворечивость и фальсифицируемость как требование к структуре научной теории. Также Поппер выступил в качестве автора, сформулировавшего и обосновавшего значимость проблемы демаркации — проблемы различения научного и ненаучного знания [6].

И. Лакатос не только детально проанализировал предшествующие подходы, но в рамках своей методологии научно-исследовательских программ предложил рассматривать научное познание как процесс конкуренции между такими программами, причем наиболее успешной в конкретный момент времени считается прогрессирующая, т. е. такая научно-исследовательская программа, чье теоретическое содержание (новые гипотезы) превышает эмпирическое (уже проверенные гипотезы) [9].

Кроме того, именно Лакатос предложил рассматривать философию науки в неразрывном единстве с историей науки, а также разделил историю науки на внутреннюю, объ-

яснимую самой логикой развития изучаемой научной области, и внешнюю, связанную с влиянием на науку внешних по отношению к ней факторов [9].

П. Фейерабенд, подвергнув критике все предшествующие достижения позитивизма и постпозитивизма, предложил не только ограничить влияние науки на жизнь, но также предложил ученым создавать как можно больше новых теорий и подходов [10].

Однако позитивизм и постпозитивизм — не единственные подходы к постижению и изучению науки.

В XIX в. среди выделившихся из философии самостоятельных наук стало возможно говорить о естественных и гуманитарных науках, причем основным различием первоначально считалось различие по предмету — естественные науки изучали все, что связано с природой, а гуманитарные — все, что связано с человеком.

Однако Г. Риккерт — один из представителей Баденской школы неокантианства — увидел более глубокие различия между двумя группами наук: естественные науки он рассматривал как номотетические, стремящиеся к поиску и установлению наиболее общих законов, а гуманитарные — в качестве идиографических, т. е. наук, направленных на описание качественного своеобразия изучаемых явлений [11].

Сейчас, в эпоху междисциплинарных исследований, границы между естественнонаучным и гуманитарным знанием стираются. В том числе и потому, что номотетической и идиографической может быть не только целое направление наук, но направления внутри одной науки, например психологии. Кроме того, само существование современной психологии, сочетающей в себе взгляд на человека как на носителя психики, члена общества и биологического существа, размывает привычные границы классификаций.

Интересно, что и другие классификации из учебников по истории и философии науки перестают работать. Так, разделение на точные и неточные (социальные, гуманитарные)

науки сейчас также уходит на второй план, поскольку в рамках социальных и гуманитарных наук не первый год и даже не первое десятилетие используются сложные эмпирические и математико-статистические методы.

Кроме того, благодаря промышленной революции и научно-техническому прогрессу, к перечню наук помимо естественных и гуманитарных присоединились технические науки, результат которых оценивается не только с точки зрения обоснованности и достоверности, но и с точки зрения эффективности разрабатываемых технологий.

Но наука строится не только на рациональных основаниях и исторических событиях. М. Фуко в рамках своей работы «Слова и вещи» [12] показал, что развитие и осознание природы связей между словами и вещами — это то, что определяет разные стороны жизни людей и взаимодействие этих сторон, включая научное познание. Связь между словами и вещами определяет не только объект и метод, а в целом ту исследовательскую оптику, через которую ученый смотрит на изучаемые явления. Фуко выделил три устойчивых способа разговора в контексте связи слов и вещей — три эпистемы: ренессансную (порядок слов соответствует порядку вещей), классическую (слова помогают раскрыть объективный порядок вещей) и современную (связь слов с вещами случайна).

За пределами мировой философии науки важен также вклад и российских мыслителей. Так, Вячеслав Семенович Степин [13] предложил рассматривать развитие науки как смену типов научной рациональности, которые подразумевают структуру организации науки, идеалы и ценности ученых, а также специфику философской рефлексии научного знания. Степин выделил три типа научной рациональности: классическую (изучение простых систем), неклассическую (изучение саморегулирующихся систем) и постнеклассическую (изучение саморазвивающихся систем).

Но наука, как уже было показано выше, не существует в вакууме. Изучением того как

наука (как социальный институт) и научные идеи влияют на другие социальные институты занимается социология науки. Ее основатель — Бруно Латур — рассматривал в качестве инструмента такого влияния научную лабораторию, потому что именно в стенах лаборатории можно манипулировать масштабом изучаемых проблем и сделать достижения науки наглядными и доступными для исследователей [14].

Кроме отношения науки и общества, науки и ценностей, в философии науки также поднимался вопрос о том, как научное знание соотносится с субъективным опытом — содержанием сознания. С точки зрения основателя феноменологии Э. Гуссерля, ученые достаточно часто недооценивают именно субъективный опыт как нечто самоочевидное и первично данное нам, кроме того, с точки зрения данного автора, европейские науки находятся в кризисе, поскольку через объединение с математикой их собственные законы утрачиваются в пользу законов последней [15].

Получается, что научное познание во многом наследует познанию философскому, в первую очередь сформулированному в рамках эмпирической философии, имеет свою собственную определенную динамику, включающую стадии накопления знания, кризисы и научные революции, выражающиеся в конкуренции между выдвигаемыми идеями, теориями и подходами, оцениваемыми представителями академического сообщества, в том числе через призму принятых сообществом ценностей, но при этом достаточно зависит от общества, политики, экономики и других сфер человеческой активности. С другой стороны, наука как социальный институт может влиять на деятельность других социальных институтов. Контекст такого взаимодействия закрепляется в языке, точнее в способах разговора о какой-либо теме — в дискурсах — и проявляется в индивидуальном сознании каждого из исследователей, для которых научные данные становятся более достоверными, чем собственный опыт. При этом классификации наук, будучи заложенными в XIX в.

сейчас уже не в достаточной степени соответствуют актуальности междисциплинарных исследований, однако позволяют ориентироваться в структуре, содержании и, частично, в целях науки.

Мечта как еще одно измерение науки

Однако многообразие параметров, по которым оценивается наука и научное познание, не исчерпывается приведенным выше. Даже список из четырех причин в рамках философии Аристотеля [16] включает в себя: материальную, формальную, движущую и целевую.

Философы и социологи неплохо представляют себе то, из чего состоит наука (материальная причина) и какую структуру в разные периоды своего существования она имела (формальная причина). Более того, наследие неокантианцев Баденской школы [11] позволяет также говорить о цели существования науки (целевая причина).

Но что тогда является движущей причиной существования и развития науки?

Свой ответ на данный вопрос дал философ и психолог Ф. Brentano. В своей «Психологии с эмпирической точки зрения» [2, S. 19] Brentano, приводя в пример преемственность между средневековой алхимией и современной ему химией, предположил, что исследователями при создании новых научных областей может двигать мечта, которую разделяют многие представители человечества.

При таком подходе появление алхимии и впоследствии современной химии, с точки зрения Brentano, продиктовано желанием добыть философский камень — обрести такую власть над материей, которая позволяла бы получать из одних веществ другие, в частности «золото при смешении» [2, S. 19]. Причем такая мечта является именно движущей причиной, поскольку она задает начальный толчок для исследований и условия для их объединения в область донаучного знания. Также мы можем говорить о мечте как о движущей причине возникновения той или иной науки, поскольку дальнейшая логика развития возникающей области знания позволяет постепенно отбросить все невозможное, превращая

область донаучного знания в современную науку. Иными словами, возвращаясь к примеру самого Brentano, мечта о получении золота из других веществ породила алхимию, а отказ от всего невозможного в контексте развития данной области (для этого, стоит справедливо заметить, могут проходить столетия, могут проводиться неисчислимы опыты и сменяться поколения исследователей) превратил алхимию в современную химию.

С другой стороны, если такая мечта стоит не у истоков науки, а проявляется в дальнейшем, своеобразно доводя до абсурда конечную цель научного прогресса, выводя ее за пределы установления общих законов и описания уникального, то такая мечта может стать и целевой причиной. Но в таком случае отдаленное и не всегда реальное устремление конкретных людей может служить отказом от точности и обоснованности исследования (в какой-то мере от его научности) в сторону вопроса практической реализации замысла.

Бессмертие как мечта, создавшая психологию

Попробуем обратить обнаруженную находку в сторону психологии. Здесь этот вопрос актуален также и потому, что психология и психологи (главным образом — в России и на постсоветском пространстве) зачастую обращаются к философии, в частности к философии науки, в поисках собственной идентичности и обоснования научности [17; 18]. Однако этот поиск, как правило, ограничивается выбором критериев демаркации, производных конкретной философско-научной теории, выбранной на основании личных предпочтений.

Собственно, это то, что по умолчанию получает психология от философии науки — ее теории, начиная от первого позитивизма и заканчивая советской и российской философией науки — источник нормативных критериев для психологов [19], критериев того, как делать психологию научной, выступать от имени науки.

Если же мы посмотрим на психологию через оптику, предложенную Ф. Brentano, то в

первую очередь увидим ту самую мечту, которая стала движущей силой психологического знания — мечту о бессмертии [2, S. 20]. Иными словами, с точки зрения Brentano, общность интереса основателей психологической науки, в том числе философов, начиная как минимум с Д. Юма и Дж. Ст. Милля, к душе, психике, сознанию или субъективному опыту (и, в случае самого Brentano и его учеников, в частности Э. Гуссерля, к феноменам сознания) является результатом того, что изначальной движущей причиной здесь выступала мечта о бессмертии.

Но что понимается в таком случае под бессмертием или, другими словами, какой тип бессмертия при этом подразумевается? Например, Е. П. Варламова совместно с С. Ю. Степановым, определяя бессмертие как «полифоническое воплощение уникальности человека» предлагают следующие типы бессмертия в зависимости от того, насколько глобальны жизненные цели конкретного человека: физическое, личностное, социальное, творческое и культурное. Эти типы, с точки зрения авторов, оказываются связанными с «уровнями проявления человека» — соответственно с индивидом, личностью, индивидуальностью, творческой уникальностью и феноменальностью [20].

Можно предположить, что, когда мы говорим о мечте о бессмертии как о движущей причине, в ней сочетаются несколько типов бессмертия, а не какой-то один. Ведь психологическое мышление и психология в целом создавались на протяжении длительного времени многочисленными авторами, каждый из которых имплицитно или эксплицитно мог быть движим желанием достигнуть различных типов бессмертия.

При этом важно отметить, что для самого Brentano как психолога и одновременно религиозного философа, мечта о бессмертии выражалась в первую очередь в вопросе о бессмертии души, который в рамках его проекта эмпирической психологии решался в пользу утверждения такого бессмертия через косвенные свидетельства [2, S. 95–97]. Ины-

ми словами, в отличие от психологии в целом, для которой, согласно Brentano, мечта о бессмертии — движущая причина, сам Brentano обосновывает с помощью своей психологии бессмертие души, фактически, рассуждая таким образом о личностном, в терминологии Варламовой и Степанова, бессмертии, как о сохранении уникальных свойств конкретного человека, что превращает мечту о бессмертии из движущей причины в целевую.

Насколько же эта мечта — мечта о бессмертии как движущая причина продолжает проявлять себя в психологическом знании? Понятно, что мы вряд ли имеем право обобщать на всех исследователей не всегда осознанное стремление к бессмертию как то, что двигало их к обособлению и развитию психологической науки как внутри философии, так и за ее пределами. Более того, как уже было сказано выше, такое обобщение будет подменять движущую причину целевой, в научное познание — решением потенциально нерешаемой инженерной задачи.

С одной стороны, если мы обратимся к истории и философии науки, то сходная эксплицированная идея встречается уже в Новое время, которое и считается современными исследователями эпохой, породившей психологию [21]: это приписываемое Бэкону выражение «знание — сила», интерпретируемое в духе того, что любая наука должна позволять человеку обретать большую власть над миром [22], это идеи А. Сен-Симона и О. Конта [3] о том, что научный и технологический прогресс — необходимое условие процветания человечества. Эти предвосхищающие современный сциентизм идеи при их сочетании с индивидуализмом и гуманизмом той эпохи логически продолжают в тех самых различных типах бессмертия, воплощающих широту устремлений отдельного человека, чтобы в форме личностного бессмертия быть эксплицированной у Ф. Brentano.

В дальнейшем такая движущая причина вновь перестает осознаваться и, в целом, непосредственно для психологии, исходная, с точки зрения Brentano, мечта о

бессмертия уходит скорее на периферию в виде целевой причины — в том числе в сциентистские сообщества, посвященные достижению биологического или цифрового бессмертия за счет достижений когнитивной нейронауки (примером одного из таких сообществ может служить относительно популярное в нулевые и десятые г. XXI в. “Россия-2045”), а также, в более широком смысле, отголоски этой мечты обнаруживают себя в области практической психологии в форме обращения к вопросам переживания горя и утраты в рамках одноименной области психологии, самореализации — в рамках гуманистической психологии — и преодоления страха смерти — в рамках экзистенциальной психологии.

Однако, если мы зададимся вопросом к фундаментальной психологии, вопросом о том, зачем мы изучаем психику как продукт нашего мозга, мы по сути ставим вопрос о том, какая часть нашего тела является определяющей для нашей индивидуальности — иными словами, что из этого стоит пытаться сохранить для достижения физического и личностного бессмертия. Подобное мы можем увидеть и в других областях психологии, так, например, социальную психологию можно соотнести с социальным и культурным бессмертием, а психологию творчества — с творческим.

Таким образом, не проявляя себя явно, движущая причина — мечта, заложенная в психологию, мечта о бессмертии, продолжает проявлять себя в различных фундаментальных и прикладных областях психологического знания.

Кроме того, подобную мечту — мечту о бессмертии — можно рассмотреть в качестве движущей причины не только психологии. В самом деле, психика является важной частью человека как двуаспектного существа [23], обладающего телом и субъективным опытом. Представления о психике и ее структуре, концептуализирующие в рамках психологии этот самый опыт, в рамках философской антропологии как области философии, разрабаты-

вающей проблему человека [24], может рассматриваться как частный случай представлений о человеке и о его природе [25].

Предположение о том, что психологическое и антропологическое знание объединены не только объектом изучения, но и общей мечтой, выступающей в качестве движущей причины, позволяет увидеть в философской антропологии, в ее желании постичь человека в его биологическом, феноменологическом и социологическом измерении как минимум отголоски физического, личностного, социального и культурного типов бессмертия.

Примечательно, что философской антропологией при таком раскладе, исходя из более общего объекта исследования, движет стремление обессмертить не только то, что закономерно связано с психикой человека, но человека в целом. При этом такая общая мечта, подкрепленная отличающимися объектами, методами и целями исследования, органично дополняет сравнительный анализ посвященных изучению человека и его внутреннего мира областей знания [25; 26]. Отголоски же этой мечты в антропологии проявляются в виде философской танатологии — области знания, изучающей проблему смерти. В отношении философской антропологии философская танатология закономерно будет рассматривать смерть человека, которая еще в XX в. рассматривалась как свойство человека, конституирующее его [27].

Заключение

Таким образом, изучение истории психологии, науки, изучающей внутренний мир человека, в значительной степени заинтересованной в философии науки по причине своего неоднозначного положения в существующих классификациях наук, в частности изучения эмпирической психологии Ф. Brentano, позволяет обнаружить еще одно измерение, позволяющее сравнивать различные области науки между собой.

Таким измерением становится мечта — достаточно глобальное, широкое и во многом несбыточное устремление, которая эксплицитно или имплицитно выступала в качестве

движущей причины, сделавшей науку возможной.

В случае психологии такой мечтой являлась, согласно Брентано, мечта о бессмертии, причем, по-видимому, не в узком смысле бессмертия души, а в более глобальном, соотносимым с современными представлениями о многостороннем устремлении людей сохранить уникальность своего существования и вклада в действительность.

Отголоски этой мечты можно увидеть в различных областях фундаментальной и при-

кладной психологии, а также в сциентистских мифах, которые развиваются рядом с когнитивной наукой, обнажая содержание такой мечты.

Мечта о бессмертии также, по-видимому, еще один из факторов, который роднит психологов и философских антропологов, тем более, что смерть и смертность (изучаемые в том числе в рамках области философской антропологии — философской танатологии) считаются одними из определяющих факторов существования человека.

Список источников

1. Kurzweil R. The Singularity Is Near. N.Y.: Viking, 2005.
2. Brentano F. Psychologie vom empirischen Standpunkt. Leipzig: Duncker & Humblot, 1874.
3. Конт О. Дух позитивной философии. Ростов н/Д.: Феникс, 2003. 256 с.
4. Дюгем П. Физическая теория. Ее цель и строение. М.: КомКнига, 2007. 328 с.
5. Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. М.: Территория будущего, 2005. 304 с.
6. Поппер К. Логика и рост научного знания. Избранные работы. М.: Прогресс, 1983.
7. Карнап Р., Ган Г., Нейрат О. Научное миропонимание — Венский кружок // Логос. 2005. № 47. С. 13–27.
8. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. 300 с.
9. Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки. М.: Академический Проект; Трикста, 2008. 475 с.
10. Фейерабенд П. Против метода. М.: AST: AST МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. 413 с.
11. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. СПб.: Образование, 1911.
12. Фуко М. Слова и вещи. М.: Прогресс, 1977.
13. Степин В. С. Особенности научного познания и критерии типов научной рациональности // Epistemology & Philosophy of Science, 2013. № 2. С. 78–91.
14. Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос, 2002. № 5–6. С. 1–32.
15. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. М.: Владимир Даль, 2022. 399 с.
16. Аристотель. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1975. Т. 1.
17. Аллахвердов В.М. Сквозь методологические тернии к светлому теоретическому будущему // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2012. № 4. С. 14–18.
18. Мироненко И. А. Психологические исследования в полидисциплинарном дискурсе агентности: проблемы и перспективы // Вопросы образования. 2024. № 1. С. 162–184.
19. Мусс А. И. Необходимость vs. нормативность в истории и философии науки // Мир человека: нормативное измерение — 7.0. Проблема обоснования норм в различных перспективах: от реализма до конструктивизма и трансцендентализма: сборник трудов международной научной конференции / редколлегия: И. Д. Невважай (отв. ред.) [и др.]. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия. 2021. С. 186–196.
20. Варламова Е. П. Проблема бессмертия: рефлексивно-гуманистический подход // Психологические проблемы самореализации личности, СПб.: СПбГУ, 2000. С. Вып. 4. 109–111.

21. *Klempe S. H.* Tracing the emergence of psychology, 1520–1750. Springer International Publishing, 2020.
22. *Лосев А. Ф.* Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1978. 623 с.
23. *Плеснер Х.* Ступени органического и человек. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. 368 с.
24. *Марков Б. В.* Философская антропология. СПб.: Лань, 1997. 384 с.
25. *Мусс А. И.* Особенности когнитивной науки и философской антропологии как подходов к изучению человека // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2018. № 1. С. 46–48.
26. *Мусс А. И.* Философская антропология и философия сознания: две области — один вызов // Ессе Номо. 2023. № 3 (9). С. 9–12.
27. *Батай Ж.* Внутренний опыт. СПб.: Аксиома: Мифрил, 1997. 336 с.

Статья поступила в редакцию 07.07.2025; одобрена после рецензирования 15.08.2025; принята к публикации 21.08.2025.

The article was submitted 07.07.2025; approved after reviewing 15.08.2025; accepted for publication 21.08.2025.

Информация об авторах:

А. И. Мусс — старший преподаватель, доцент;

Д. А. Мусс — студент магистратуры.

Information about the Authors:

A. I. Muss — senior lecturer, associate professor;

D. A. Muss — master's student.